

Валикова О.
**«Живой контекст»: роман
«Поющие камни»
А. Жаксылыкова в диалоге
с традициями классической
русской литературы**

Художественное произведение рассматривается в статье с позиции межлитературного диалога, в результате которого заложенные в тексте смыслы обогащаются «сверхсодержанием» – ценностными, эстетическими, онтологическими элементами. Параметры интерпретации – хронотоп и литературный типаж, позволяющие исследователю «увидеть» многомерность «художественного результата».

Процесс межтекстового диалога, в результате которого художественное произведение дополняется универсальными ценностными смыслами, рассматривается в статье как «интертекстуальный параллелизм». «Оси» художественных текстов, развиваясь параллельно, при этом подвержены процессу взаимоотражения. Подобная рефлексия способствует выявлению общечеловеческого и этноспецифического «ярусов». На материале романа А. Жаксылыкова «Поющие камни» автор стремится проиллюстрировать наличие «пересекающихся параллелей» и обозначить их функцию – эстетическую, онтологическую, герменевтическую.

Ключевые слова: межлитературный диалог, традиция, амплификация, хронотоп, литературный тип.

Valikova O.
**«Vital context»: the novel
«Singing Stones» of A.
Zhaksylykov in the dialogue with
traditions of classical Russian
literature**

The work of art is considered in the article from the position of inter-literary dialogue as a result of which the meanings in the text are enriched with «supercontent» – with value, aesthetic, ontological elements. As material for the analysis the author chose A. Zhaksylykov's novel «The singing stones». The interpretation parameters – the chronotope and literary type – allow the researcher «to see» the multidimensionality of «artistic result».

The process of intertextual dialogue as a result of which the literary text is enriched with universal valuable meanings, is considered in the article as «intertextual parallelism». The «axes» of art texts, developing in parallel, thus are subject to mutually reflection process. The similar reflection promotes identification of universal and ethnospecific «circles». On the material of the novel of A. Zhaksylykov «The singing stones» the author seeks to illustrate the existence of «the crossed parallels» and to designate their functions.

Key words: interliterary dialogue, tradition, amplification, chronotope, literary type.

Валикова О.
**«Тірі контекст»:
А. Жаксылыковтың
«Әнші тастар» романы
диалогта классикалық орыс
әдебиеттің дәстүрімен**

Көркем шығарма аталмыш мақалада әдеби өзара сұқбат тұрғысынан қарастырылып, осының нәтижесінде мәтіндегі мән «шамадан тыс ерекше мазмұнымен», – яғни құнды, эстетикалық әрі онтологиялық бөлшектермен байытылған. Талдау жұмысына материал ретінде автор А.Жақсылықовтың «Әнші тастар» романына таңдау жасаған. Түсіндіру қырлары – жежірелеу және әдеби сипаты зерттеушіге «көркем нәтиженің» көпқырлылығын «көруге» мүмкіндік береді. Басты сөздер: әдебиаралық өзара сұқбат, салт-дәстүр, өрістету, ұлғайту, жежірелеу, әдеби сипат.

Нәтижесінде көркем шығармашылық әмбебап құнды мәндермен байытылатын мәтінаралық диалог үрдісі аталмыш мәтінде «мәтінаралық қатарластық» ретінде қарастырылады. Көркем мәтіндердің «өзектері» қатарласып дами отырып, өзара көрнекілік үрдісіне ұшырайды. Міне осындай жағдай жалпы адамзаттық және ұлтқа тән «қасиеттерді» айқындауға жағдай жасайды. «Әнші тастар» шығармасының авторы А. Жақсылықова «қатарласа келетін қос сызықтардың» бар екендігін көрсетуге және эстетикалық, герменевтикалық тәрізді олардың қызметін белгілеуге ұмтылады.

Түйін сөздер: әдебиаралық диалог, традиция, амплификация, хронотоп, әдебиеттің типі.

Ph.D докторант I курса Казахского национального университета
им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: leka.valikova@mail.ru
Научный руководитель – д. ф. н. профессор Б.У. Джолдасбекова

**«ЖИВОЙ КОНТЕКСТ»:
РОМАН «ПОЮЩИЕ
КАМНИ»
А. ЖАКСЫЛЫКОВА
В ДИАЛОГЕ
С ТРАДИЦИЯМИ
КЛАССИЧЕСКОЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Рассуждая о межлитературных связях, исследователь В.И. Кулешов выделяет два их типа: 1) «конкретные связи», в том числе перевод, подражание, влияние, заимствование; 2) историко-типологические аналогии, или схождения, возникающие «независимо от контактов» [1, 7].

Важно подчеркнуть, что суть литературных связей кроется в «художественном результате»: «всякое влияние или заимствование неизбежно сопровождается творческой трансформацией исходного образца» (В.М. Жирмунский).

Согласно концепции исследователя, первопричина литературного произведения всегда глубоко национальна; новое же движение в литературе происходит под влиянием традиций, в преемственной связи с накопленным материалом.

Творческое влияние литературы-транслятора на Автора состоит в том, чтобы сформировать у последнего собственную художественную «манеру». Так, юный Лермонтов драматургически «зависел» от Шиллера (о чем свидетельствуют «красноречивые» связи между лермонтовскими «Испанцами» и шиллеровскими драмами «Коварство и любовь» и «Дон Карлос»). Однако задача каждого большого Художника в том, чтобы «преодолеть» традицию, достигнуть нового на основе принятого и освоенного.

Традиция одновременно и «передача», и принятие данных; это транспортировка элементов разного уровня сложности из одного текста (корпуса текстов) в другой (другие), в результате которой происходит межтекстовая (шире – межлитературная) «переключка». В этом отношении традиция становится синонимична культурно-литературному диалогу.

Диалог как общение двух независимых сущностей (сознаний в концепции М.М. Бахтина) направлен на достижение *кооперации*, взаимопонимания и информационного взаимообогащения, т.к. в процессе коммуникации (в частности, литературной) тематическая составляющая («известное», «исходное», «данное») непременно дополняется рематической («новым», «неизвестным»). В ином случае диалог лишен смысла (таков постулат коммуникативной лингвистики).

Аслан Жаксылыков, автор художественного цикла «Сны окаянных», использует литературную традицию как механизм

амплификации заложенных в романе смыслов – идейных, нравственных, ценностных. Рассмотрим его действие на уровне литературного типа.

Главный герой романа – Жан, блестящий интеллигент, не сумевший смириться с миметической жизнью города и избравший (и намеренно, и подсознательно) путь скитаний.

Скитальничество, странничество открывает нам важную коннотацию: мотив выводит нас на пушкинского «Странника».

«Странник» Пушкина – сложнейшее по замыслу произведение, несущее в себе, помимо событийной канвы, несколько подтекстов и явственный «биографический отпечаток». Согласно рассуждениям Г.А. Науменко, представленным в фундаментальной статье «Странник», в биографическом отношении стихотворение явилось болезненной «реакцией» поэта на критику со стороны А. Мицкевича, упрекавшего Пушкина в служении «имперскому Петербургу» [4].

Это очень важный комментарий: большинство исследователей рассматривают произведение как исповедь самого Пушкина, в то время как Науменко убедительно доказывает, что «Странник» – маска, примеряемая поэтом в сложившихся обстоятельствах. Это замечание «снимает» с Текста его исключительный религиозный пафос. «Верный путь к спасению», резюмирует исследователь, показан Пушкиным не в «Страннике», а в последующем «Каменноостровском цикле» (1836) [там же].

Классические интерпретации стихотворения, однако, представляют иные выводы. Для нас это существенное обстоятельство, т.к. Жаксылыков, вероятно, опирался на общепринятую трактовку текста: именно она представлена в жизненном сценарии протагониста «Поющих камней».

Стихотворение «Странник» принято считать высокорелигиозным произведением. Несмотря на различия в оценках интерпретаторов, религиозная составляющая принимается ими как константа.

Так, Достоевский в «Пушкинской речи» усматривает в тексте «душу северного протестантизма» [5, 146]; с мнением писателя решительно не соглашается А. Давыдов, приходящий к выводу, что в «Страннике» звучит «православная ментальность», идущая по пути «истеричного способа веры» [6, 45].

«Образцом религиозного настроения духа» называет стихотворение П.В. Анненков [7, 386].

По словам Н.В. Измайлова, это «лирическая медитация» на тему «поэта и черни», раскрывающая отношения между выдающейся мыс-

лящей личностью и окружающим ее обществом: «Странник» – это «непризнанный пророк», «одиноким борцем против тяготящих его общественных условий» [8, 25].

Метафорическим описанием «переломного момента в жизни», подобного тому, что пережили герои Данте и Беньяна, называет стихотворение А.А. Долинин [9, 36]. Согласно разработанной ученым модели, пушкинский герой действует в представленной последовательности:

1. Духовный кризис и отказ от привычного образа жизни;

2. Лиминальная, или промежуточная, стадия, когда герой осознает себя «падшим» и «отъединяется от мира»;

3. Божественное откровение, явленное как чудесное событие/чтение сакрального текста и т.п.;

4. Обретение целостного религиозного сознания [там же, 10].

Знакомая читателю (и это важно) текстовая организация – принцип «пятикнижия», т.к. на пять фрагментов разбиты 76 строк стихотворения. По сведениям Д.Д. Благого, в авторской версии стихотворения цифрами обозначены только четыре «части»; над условно «пятой» Пушкиным дана разделительная черта [Благой, с. 58]. Вопрос о задуманном автором делении текста остается открытым, однако общепринятый принцип пятичастной конструкции является ассоциацией на знаменитое Пятикнижие Моисея.

Г.А. Науменко указывает на то, что беньяновский подтекст выражен в «Страннике» значительно слабее, чем «мицкевичский». Произведение, согласно позиции исследователя, построено как полемика Пушкина с Мицкевичем и является ответной «репликой» на его «Отрывок». Для нас, однако, важно общее настроение текста, проявленные в нем эсхатологические тенденции (так, в 4 части «Странника» содержится 25 строк; исследователи усматривают в этом аллюзию на 250 башен «греховного» города Вавилона).

Прорабатывая характер Жана, Жаксылыков «опускает» ироничность пушкинского текста (так, «внезапность», с которой лирический герой был «объят скорбью великой», «истеричность» (А. Давыдов) его прозрения, готовность повиноваться «юноше с книгой», который, в отличие от беньяновского Кристиана, не аккумулирует в своем образе религиозного мировоззрения, служат фактическими доказательствами саркастичности, нелепости происходящего).

Для автора «Поющих камней» важна «мифологическая модель», используемая Пушкиным. Отметим, что схема, предложенная А.А. Долининым, практически полностью совпадает с эсхатологическим сценарием Ю.М. Лотмана, который мы уже «накладывали» на роман Жаксылыкова.

В отличие от Странника, Жан не был «объят скорбью великой» внезапно. Духовный кризис нарастал в нем постепенно; желание уединения становилось все более настоятельным. Однако «подавленность тяжким бременем», «согбенность» окончательно «обрушились» на героя после предательства жены. Семья пушкинского Странника, его друзья и приятели «приходят в смущение», подозревая его в «расстройстве чувств». Те же реакции испытывает Айнур («Поверить не могу, что ты стал бичом!») и Арман. Странник предчувствует скорую гибель Петербурга (*Идет! уж близко, близко время/ Наш город пламени и ветрам обречен;/ Он в угли и золу вдруг будет обращен,/ И мы погибнем все, коль не успеем вскоре/ Обрести убежище; а где? о горе, горе!*).

Жан предвидит скорый конец всего мироздания, в частности, собственную смерть. Обоих героев *смерть страшит*, они к «суду небесному» не готовы.

Странник, покинувший дом, уходит «бродить, уныньем изнывая»; уходит бродить и Жан. Эмотивная доминанта образа Странника – скорбь, уныние. Жаном движет озлобленность, «гнусное остервенение гиены». Пушкинский герой внутренне готов к «спасению»; протагонисту «Поющих камней» оно только предстоит. Странник видит «некий свет» и идет к «тесным вратам спасенья» (именно к «свету» перстом направляет его юноша с книгой). «Тесные врата спасенья», которые можно сравнить с «игольным ушком», предполагают добровольную аскезу, отход от гедонистического образа жизни, превращение в «бедного», «кроткого». Чем закончилось бегство Странника, мы не знаем. Но «тесные врата спасенья» становятся центральным мотивом и в тексте Жаксылыкова: Жан полностью лишается социального статуса и его атрибутов, продолжая свой путь *бродягой, рабом, нищим*.

В декорациях города Жан, как и пушкинский Странник, чувствует себя «узником» (компаративная характеристика города – клетка; более того, автор выстраивает параллель с Содомом и Бедламом – городами, которые настигла небесная кара. Пушкинский Петербург сравнен с Вавилоном).

В случае с произведением Пушкина перед нами – проявление автоинтертекстуальности (Н.А. Фатеева), отсылка к собственному стихотворению. Это «Узник», лейтмотивом которого звучит призыв к уходу, бегству, началу иной, ничем не скованной жизни (*Мы вольные птицы; пора, брат, пора! / Туда, где за тучей белеет гора./Туда, где синюют морские края./Туда, где гуляем лишь ветер... да я!*)

«Прозрение», «путь к спасению» и другие инициационные мотивы Г.А. Науменко выделяет в пушкинском «Каменноостровском цикле», а их генезис – в стихотворении «Пророк». Ю.М. Лотман отмечает, что в данном тексте Пушкин приспособил строго отобранные им библейские образы к своему лирическому замыслу: изображению картины обретения Поэтом пророческого дара, отличающейся исключительной точностью и детализованностью.

Жаксылыковский текст сближен с пушкинским претекстом на уровне «разворачивающегося мифа», инвариантная схема которого – «жизнь – смерть – воскресение».

«Объятый немотой» лирический герой «Пророка» влачится в «пустыне мрачной». Он находится на жизненном «перепутье». Ситуация «перепутья» как выбора, развивающаяся в инициационном месте (пустыне), присутствует и в «Поющих камнях» Жаксылыкова. Пушкинский «дотварный мир» совпадает с жаксылыковским лишь частично: к набору семантических параметров, рассмотренных нами прежде, следует добавить еще один важный «пункт» – значение пандемония.

«Пустыня» Жаксылыкова не только «место божественного испытания», «чистилище», в котором Душа причащается Богу (лермонтовская сентенция «Пустыня внемлет Богу»), но и inferнальное пространство, мучающее человека за все совершенные им земные прегрешения (*Я корчусь в пекле изжаренной солнцем реки*). Глагол *корчиться* в лингвокультурном отношении *фразеологически сцеплен* с «адовыми муками»; ближайшая ассоциация на существительное «пекло» – «адское»). Пушкинский Пророк до встречи с Серафимом *бесчувственен*.

Жан назван автором *безгласным мертвым камнем*; оба лирических субъекта на этом этапе духовно *безжизненны*. Пророка *одушевляет* божественный Серафим (*Моих зениц коснулся он./ Отверзлись вещи зеницы, / Как у испуганной орлицы. / Моих ушей коснулся он, – / И их наполнил шум и звон :/ И внял я неба содроганье, / И горный*

ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье).

В романе Жаксылыкова место Серафима занимает *трикстер* – старик-китаец, называемый «оборотнем», «китайским лисом», в котором сидит «нечистая сила». Пророку Пушкина открывается «горный путь»; герою «Поющих камней» он пока недоступен (*О сын степного волка! Тебе ли судить о горнем пути? Свет истины ищет только слепой, у развилки дорог стоит только начинающий!*). Отметим, что «перепутье» пушкинского стихотворения трансформировано в «развилку дорог» в романе Жаксылыкова.

Трикстер – демонически-комический «дублер» героя, божество или дух, наделенный чертами озорника, плута, обманщика; ему свойственно девиантное поведение, «противоправные действия», по обозначению Мелетинского. Так, старик-китаец бьет Жана, держит его «в черном теле», наживаясь на каторжном труде последнего, более того – искушает героя вином и мыслями о самоубийстве (как темное начало в известном стихотворении В. Брюсова «Демон самоубийства»).

Весь «спектр действий» осуществляется стариком в *смеховой, шутовской, издевательски-саркастичной тональности*. Как правило, в поступках трикстера нет злонамеренной воли; он – движущая сила миропорядка, возвращающая разрозненные части Бытия к изначальной гармонии путем «противодействия» культурному герою. В предыдущих главах мы рассматривали функцию трикстера в отношении Жана.

Серафим вырывает грешный язык лирического героя «Пророка», «празднословный и лукавый», чтобы вложить в «замерзшие» уста «жало мудрых змеи». Старик-китаец награждает Жана тумаками, запрещая тому «богохульствовать, грешить словом» (неатрибутированная аллюзия); *зубы и язык* героя ощущаются им как «деревянные». В обоих текстах представлена репрезентация вынужденного молчания, неспособности к Слову (следовательно, лиминальной стадии между небытием и жизнью).

В романе присутствует еще одна значимая аллюзия на пушкинское произведение – «жизни мышья беготня» («Стихотворение, сочиненное ночью во время бессонницы»). Жан раздумывает над тем, почему река носит имя Тышкан («Мышь»), когда ей должно зваться Айдахаром, на что старик отвечает:

Обормот ты этакий, разве ты не видишь, что холм похож на мышья <...> Река большая,

как дракон, а душа у нее мышья. Так и ты – в груди у тебя спит айдахар, а сам ты живешь, как слепой крот, в грязи возишься [10, 28].

Т.Г. Шеметова усматривает в пушкинском значении *мышья* аллегорию трусливой, потаенной жизни [11].

Паремиологические единицы русского языка формируют вокруг лексемы «мышья» негативную «ауру»: ее компонентами выступают такие коннотации, как *незначительность, мелочность, бесплотность усилий (Гора родила мышья; мышья возня); ограниченность жизненного пространства (Была бы цель, а мышья найдется), боязливость (Мышке и кошка зверь), отсутствие жизненной стабильности (Беден, как церковная мышья), малая «социальная ценность» (Тысяча мышья не заменит одного слона).*

Мышиная жизнь – это «возня», суетливое копошение; во многом это объективная параллель с жизнью Жана (с детства мучаемого страхом, не реализовавшим свои мечты и планы и пр.) *Мышья беготня не есть настоящая жизнь*. Эта стадия, квалифицируемая Автором как критическая, требует преодоления, т.е. *символической смерти* и последующего *возвращения*. Мы вновь обращаемся к мифологической схеме «Пророка».

Лирический герой «Пророка» с рассеченной грудью, «вынутым» сердцем и «водвинутым» вместо него пылающим углем уподоблен трупу; за смертью-инициацией следует воскрешение по гласу Божьему. По словам Ю.М. Лотмана, перед нами этнографически достоверное описание шаманской инициации, влекущей за собой обретение пророческого дара [12, 232].

Подобную инициацию с соответствующими стадиями поражения (от ваджры богини Сарасвати), расчленения и воскресения проходит протагонист «Поющих камней» (см. пред. главы).

Все обнаруженные нами элементы поэтической парадигмы укладываются в обобщенную схему, *фрейм* типизируемой личности, – созданный Е.А. Боратынским образ Недоноска.

Переключка с Недоноском, одним из самых трагических и глубоких символов-обобщений в русской литературе, явственно присутствует в тексте романа: старик-китаец называет Жана *Недоростком* (что семантически может выступать синонимом первого), заплутавшим в мире [10, 29]. Именно эта интертекстуальная параллель «обнажает» истинную природу Жана как *окаянной Души*, что требует специального рассмотрения.

Литература

- 1 Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы. – М.: Издательство Московского Университета, 1965. – 465 с.
- 2 Абишева У.К. Неореализм в русской литературе 1900-10-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 286 с.
- 3 Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как объект осмысления. – Тверь, 2001. – С.111.
- 4 Науменко Г.А. Странник // NB: Филологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 1-49.
- 5 Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» на 1880 год. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании общества любителей русской словесности // Достоевский. –Т. 26. – С. 146.
- 6 Давыдов А. А.С. Пушкин («Однажды странствуя среди долины дикой...») и комментарий к нему Ф.М. Достоевского // Тамыр, вып.4 (37), 2013. – С. 35-45.
- 7 Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А.С. Сочинения. – Т. 1. – СПб., 1855.
- 8 Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – М.-Л.: АН СССР, 1958. – Т. 2. – С. 7-48.
- 9 Долинин А.А. Испанская историческая легенда в переложении Пушкина // Toronto: Slavic Quarterly. – № 18.
- 10 Жаксылыков А.Ж. Сны окаянных: Трилогия. – Алматы: ТОО «Алматинский издательский дом», 2006. – 526 с.
- 11 Шеметова Т.Г. Мифологема пророка в поэзии XX века // Новый филологический вестник. – 2011. – №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-proroka-v-poezii-hh-v-na-materiale-razgovora-s-geniem-m-tsvetaevoy-i-razgovora-s-nebozhitelem-i-brodskogo> (дата обращения: 30.03.2015).
- 12 Лотман Ю.М. Избр. статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 224-229.

References

- 1 Kuleshov V.I. Literaturnye svjazi Rossii i Zapadnoj Evropy. – М.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1965. – 465 s.
- 2 Abisheva U.K. Neorealizm v russkoj literature 1900-10-h godov. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2005. – 286 s.
- 3 Krivonos V.Sh. Gogol': mif provincial'nogo goroda // Provincija kak ob#ekt osmyslenija. – Tver', 2001. – S.111.
- 4 Naumenko G.A. Strannik // NB: Filologicheskie issledovanija. – 2014. – № 1. – S. 1-49.
- 5 Dostoevskij F.M. «Dnevnik pisatelja» na 1880 god. Pushkin (oчерk). Proizneseno 8 ijunja v zasedanii obshhestva ljubitelej russkoj slovesnosti // Dostoevskij. –Т. 26. – S. 146.
- 6 Davydov A. A.S. Pushkin («Odnazhdy stranstvujja sredi doliny dikoj...») i kommentarij k nemu F.M. Dostoevskogo // Tamyr, vyp.4 (37), 2013. – S. 35-45.
- 7 Annenkov P.V. Materialy dlja biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina // Pushkin A.S. Sochinenija. – Т. 1. – SPb., 1855.
- 8 Izmajlov N.V. Liricheskie cikly v poezii Pushkina 30-h godov // Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinckij Dom). – М.-L.: AN SSSR, 1958. – Т. 2. – S. 7-48.
- 9 Dolinin A.A. Ispanskaja istoricheskaja legenda v perelozhenii Pushkina // Toronto: Slavic Quarterly. – № 18.
- 10 Zhaksylykov A.Zh. Sny okajannyh: Trilogija. – Almaty: TOO «Almatinskij izdatel'skij dom», 2006. – 526 s.
- 11 Shemetova T.G. Mifologema proroka v poezii XX veka // Novyj filologicheskij vestnik. – 2011. – №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-proroka-v-poezii-hh-v-na-materiale-razgovora-s-geniem-m-tsvetaevoy-i-razgovora-s-nebozhitelem-i-brodskogo> (data obrashhenija: 30.03.2015).
- 12 Lotman Ju.M. Izbr. stat'i: v 3 t. – Tallinn: Aleksandra, 1992. – Т. 1. – S. 224-229.